HISTORY

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences Has been issued since 2008

ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670 Vol. 28, Is. 6, pp. 128–134, 2016

DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-128-134 Journal homepage: http://kigiran.com/pubs/vestnik

UDC 94

Sources on the Proceedings in the Golden Horde

O. S. Shurguchiev 1

¹ 2nd Graduate Student, Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: oleg.shurguchiev@mail.ru

Abstract. Law as a socio-cultural factor arises in certain historical conditions, reflecting them and being an integral part of them. Content of the law, the developer and owner of which becomes an ethnos, is due to the peculiarities of the historical community he lives and develops within. The Golden Horde is a state that was one of the heirs of the Great Mongol Empire, and therefore it is natural that the judicial system of the latter had a significant impact on the proceedings in Djuchi Ulus. Chingizids, establishing their system of state power in the conquered territories, introduced the norms of the «Great Yasa» of Genghis Khan as the main source of law, which increasingly came into conflict with the real conditions of society's life, since the «Yasa» of Genghis Khan regulated only the norms of nomadic life. At the same time, the states conquered by the Mongols, in their majority, already had considerable historical experience of the activities of state institutions, including legal ones. The purpose of this article is to reconstruct the judicial system and the judicial process basing on published documentary sources, as well as monographic research. The theoretical basis of this article was the monographic studies of both domestic and foreign historians, linguists, geographers and other scientists, who touched upon the problems of judicial organization and legal proceedings in the Golden Horde in their works. The empirical base was a complex of published sources translated into Russian. The lack of written sources originating from the Golden Horde itself is largely compensated by the sources originating from countries that submitted to the Golden Horde or were in diplomatic relations with it. The author used general and private methods of cognition in the course of the research. With the help of reconstructive and historico-political interpretation of the law, the sources containing the judicial system of the Golden Horde state were described, in their connection with socio-historical and political conditions in chronological order. Special attention is paid to the analysis of various sources of Mongolian, Persian and European origin, which allows us to conclude that the legal successors of the Mongol Empire inherited also the Mongolian legal and judicial system. The author concludes that in the process of historical development of the Golden Horde state in the conditions of a multiethnic and polyconfessional society, one of the main features of the judicial system of the Golden Horde was the peculiar legal awareness of its population due to the synthesis of nomadic traditions, the customary laws of Mongolian peoples and Muslim law related with the adoption of Islam as a state religion under the Uzbek Khan. The foregoing provision led to the coexistence and simultaneous operation of the judiciary of traditional Mongolian justice — the Zargo court — and the Muslim court of kadi.

Keywords: the Golden Horde, judicial proceedings, judicial system, customary law, Islamic law

Право как социокультурный фактор возникает в определенных исторических условиях, отражая их и являясь неотъемлемой их частью. Содержание права, разработчиком и обладателем которого становится этнос, обусловлено особенностями той исторической общности, в рамках которой он живет и развивается.

Суровые природно-климатические условия региона кочевания монгольских племен определили скотоводство как основную отрасль хозяйствования. Монгольские племена, кочевавшие в степях Центральной Азии, переживали во второй половине XII в. период разложения родовых отношений, в ходе которого формировалась знать. К ним относились нойоны и их дружинники — нукеры, которые вели борьбу за пастбища и скот, основные материальные богатства кочевого общества.

В ходе своей завоевательной политики Чингис-хану удалось подчинить кочевников Центральной Азии и соседние племена Южной Сибири, тем самым расширив границы своего государства и упрочив свои позиции. Смерть Чингис-хана в 1227 г. предопределила разделение его огромной империи на улусы — удельные владения сыновей и внуков Чингис-хана. Главе западного улуса Бату-хану удалось выполнить наказ своего деда, совершив поход до «последнего моря». В 1235 г. на курултае было принято решение об организации похода в Европу. На завоеванных территориях чингизиды, устанавливая свою систему государственной власти, в качестве основного источника права вводили нормы «Великой Ясы» Чингис-хана, которые все больше входили в противоречие с реальными условиями жизнедеятельности общества, так как «Яса» Чингис-хана регламентировала лишь нормы кочевой жизни. При этом покоренные монголами государства в своем большинстве уже имели немалый исторический опыт деятельности государственных институтов, в том числе и правовых. Например, в странах Средней Азии и Ирана преимущественно с оседлым земледельческим населением издревле существовала своя правовая традиция, поэтому попытки подчинения населения новым правовым нормам оказались очень затруднительными. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в иных условиях оказывалась менее приспособленной и отвечающей реалиям жизни общества. На практике встречались случаи, когда источники права не могли дать толкования поступку как правонарушению, между тем согласно всем общепринятым нормам морали оно являлось таковым. В связи с этим отдельные стороны социальной, хозяйственной и общественной сфер оставались вовсе вне компетенции «Ясы», например, встречались факты, когда отдельные ее положения вступали в противоречие с религиозным мусульманским правом и обычаями местного населения. Наличие и одновременное действие двух правовых систем — норм «Великой Ясы» Чингис-хана и норм мусульманского права — неизбежно должно было приводить к возникновению противоречий. Устранение подобных коллизий, возникавших в ходе правоприменительной практики, привело к появлению такого понятия, как маслагат 'мир, мировая сделка', древний «ряд», который можно трактовать как своего рода компромисс между нормами шариата и адата.

Целью данной статьи является реконструкция системы судоустройства и процесса судопроизводства на основе опубликованных документальных источников, а также монографических исследований.

Золотая Орда — государство, являвшееся одним из наследников Великой Монгольской империи, в связи с чем закономерно утверждать, что судебная система последней оказала значительное влияние на судопроизводство и в Улусе Джучи. Золотая Орда и зависевшие от нее владения, в совокупности именовавшиеся Улусом Джучи, как известно, не имели своих летописей: по крайней мере, они до нас не дошли, архивы их если они и существовали — безвозвратно погибли, и от ханских канцелярий сохранились только несколько грамот в подлиннике или в русском переводе. Монеты и памятники материальной культуры, несомненно, являются очень важным историческим источником, но они могут осветить лишь некоторые стороны жизни этого огромного государства — государства кочевников, хотя и включавшего в свой состав многие области с оседлым населением, городами и областями старой культуры. Недостаток письменных источников, происходящих из самой Золотой Орды, в значительной мере восполняется данными источников, происходящих из стран, подчинившихся Золотой Орде или находившихся с ней в дипломатических сношениях.

Проблема судоустройства и судопроизводства в Золотой Орде, к сожалению, прежде не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Однако отдельные вопросы становления и развития правовой системы были затронуты в комплексных монографических работах по истории Улуса Джучи. Теоретической основой данной статьи послужили монографические исследования как отечественных, так и зарубежных историков, лингвистов, географов и других ученых, затрагивавших в своих работах данную проблему.

Эмпирическую базу составил комплекс опубликованных источников, переведенных на русский язык: например, «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» [Сборник... 1941].

В ходе исследования автором использовались общенаучные и частноправовые методы познания. С помощью реконструктивного и историко-политического толкования права были освещены источники, содержащие описание судебной системы золотоордынского государства, в связи с социальноисторическими и политическими условиями в хронологической последовательности.

Текст рукописи «Отрывок о том, как вести тяжбу...» на монгольском языке из фондов архива Института восточных рукописей Российской академии наук, описанный Д. А. Носовым, Р. Ю. Почекаевым [Носов, Почекаев 2015] — небольшой по объему: 16 строк на одном листе китайской бумаги размером 24*14 см. Автор рукописи констатирует пять видов судебных разбирательств, существовавших в описываемый период. Например, в случае растраты собирается большое количество людей, которые выступают в роли судей. В случае малочисленности доказательств в первый раз подозреваемый оставляется без наказания. При совершении драки виновные подвергаются суду тушимелов. Знакомство с текстом и его анализ позволяет сделать выводы о том, что автор рукописи весьма неплохо осведомлен о классификации преступлений, доказательном процессе, давая также сведения о правосознании монголов [Носов, Почекаев 2015: 147].

Описываемый в тексте судебный орган первоначально возник в период родоплеменных отношений у тюрко-монгольских народов как суд старейшин племен и родоплеменных вождей, осуществлявший правосудие на основе сложившегося мировоз-

зрения. В источниках XV в. также сохранились описания подобных судебных органов у кочевых народов Евразии, государства которых образовались в том числе и после распада Монгольской империи, например, в Золотой Орде или Чагатайском улусе. Так, венецианский дипломат Иосафат Барбаро, посетивший Золотую Орду в 1420 г., сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает ссору <...>, то оба — а если их было больше, то все — поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: "Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились". Он, сразу же остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется лучше, безо всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: "Вы будете свидетелем!". Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» [Барбаро 1971: 145–146].

По утверждению исследователей судебных систем, данный способ осуществления судопроизводства под названием суда биев имел место и у других кочевых народов, в том числе народов Центральной Азии казахов, каракалпаков и др. В отличие от более ранних периодов, когда судебная власть была сконцентрирована в руках родоплеменных вождей, осуществлявших правосудие среди своих соплеменников, в данном случае судьи выбирались самими участниками судебного разбирательства. В случае, если первое же решение такого бия казалось тяжущимся и другим участникам процесса справедливым, к нему обращались и впоследствии, таким образом, некоторые из таких биев приобретали известность и не меньший авторитет, чем ханы и другие законные правители [Зиманов 2008: 40-49]. Народный судья, как правило, единолично разбирал дело между членами одного рода, тогда как в случае межродового конфликта дело обычно передавалось на совместное рассмотрение нескольких биев, происходивших из разных родов и племен [Фукс 2008: 511-512]. Именно этот момент, вероятно, и нашел отражение в анализируемом тексте, где разбор дела более чем одним судьей, который мог быть связан с тем или иным участником процесса, представлен как гарантия справедливого решения.

Анализ приведенных фрагментов документов показывает, что вышеупомянутая судебная инстанция имела большие преимущества в том случае, если доказательная база была ничтожна: в таком случае обвиняемый не подвергался наказанию, но с оговоркой «на первый раз». Следует отметить, что со стороны судей изучение доказательной базы носило субъективный характер, так как при вынесении решения они опирались на личностную характеристику, а не на доказательства. В связи с этим можно сделать вывод о том, что судебное разбирательство носило полуофициальный характер, в противном случае одна из сторон должна была быть подвергнута наказанию как не предоставившая достаточного количества доказательств или как оговорившая спорящую сторону. Этот нюанс имел трактовку в связи с тем, что одним из основным доказательств являлись показания свидетелей, в случае их недостаточности тяжущиеся приносили присягу, тем самым призывая богов себе в свидетели. Как утверждает Г. Ц. Пюрбеев, имела место и «очистительная присяга», после принесения которой подозреваемый получал оправдательный приговор. Очистительная присяга — это особые слова и выражения, произносимые обвиняемым во время судебного разбирательства, который должен был при этом держать в руках топор [Пюрбеев 2012: 30].

Таким образом, притом что в большинстве своем население было безграмотным, подобная ситуация, в которой мы наблюдаем описанный выше подход к судопроизводству, представляется весьма обычным делом и, более того, логичным. Поэтому судебные разбирательства, не требовавшие детального изучения улик и приведения аргументов для доказательства вины или, наоборот, невиновности, осуществлялись достаточно быстро, как правило, в течение одного дня: как отмечается в исследуемом документе, судьи «торопятся».

По представлению автора рукописи, суд *тушимэлов*, т. е. чиновников и законных представителей власти, в компетенцию которых входят и судебные правомочия [Восемнадцать степных законов 2002: 43], является официальной и соответственно серьезной и строгой инстанцией. Поводом для обращения в этот государственный орган может быть совершение таких уголовных преступлений, как драки и, вероятно, причинение ее участниками друг другу теле-

сных повреждений, прямое нарушение закона аратами и т. д. Иски частноправового характера, связанные с имущественными спорами, данным органом не рассматривались. Таким образом, в компетенцию суда тушимэлов входили нарушения правопорядка, защищаемого официальными правовыми предписаниями и органами государственной власти, в том числе все правоотношения частных лиц, связанные с нарушением права собственности.

Участники судебного разбирательства, согласно Г. Ц. Пюрбееву, выступая в различных статусах, назывались по разному: истец; ответчик; человек, находящийся под судом, тяжущийся; податель жалобы, жалобщик; оклеветанный человек; виновный, провинившийся [Пюрбеев 2012: 32].

К лицам, осуществлявшим судебное производство, Г. Ц. Пюрбеев относит судебного пристава, судебного исполнителя, судебного экзекутора, наблюдателя при исполнении наказания, чиновников, разбирающих тяжбы и исковые дела.

Г. Ц. Пюрбеев в своих филологических исследованиях пришел к выводу о том, что только свидетели делились на семь категорий: обычный свидетель; свидетель-очевидец; честный свидетель; свидетель, обнаруживший вора; свидетель, разоблачивший вора; свидетель, давший показания; свидетель-посредник [Пюрбеев 2012: 32].

Таким образом, небольшой по объему документ о том, как вести тяжбу, является очень ценным источником, дающим возможность охарактеризовать правовую систему Монгольской империи и ее наследников, в том числе Золотой Орды, имевшей эффективно действовавшую судебную практику. Следует отметить, что прерогатива принадлежала формальному суду «собравшихся судей», тогда как до официального суда как органа власти стороны стремились не доводить и обращались к нему только в особых случаях.

В первой четверти XIV в. при хане Узбеке ислам стал государственной религией в Золотой Орде. Между тем, следует отметить, что возведение ислама в ранг государственного религиозного вероисповедания не привело к тотальной исламизации общества и государственных институтов. Данное обстоятельство стало особенностью судебной системы золотоордынского государства, когда одновременно гармонично сосуществовали суды зарго, институты мон-

гольской правовой системы, и кади, институт мусульманского права. Как отмечали Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский [Греков, Якубовский 1950: 103–104], между этими, казалось бы, несовместимыми правовыми системами конфликтные ситуации не наблюдались, а представители каждой из них рассматривали дела, которые были отнесены исключительно к их ведению. Со временем мусульманское право окончательно вытеснило нормы обычного права монгольского народа.

На практике суд шариата стремился не вмешиваться в дела, рассматриваемые на основе норм обычного права, т. е. адата, которыми регулировалась жизнь мусульман в обществе. В связи с этим можно констатировать факт наличия правового плюрализма. Как утверждает Р. Ю. Почекаев, одновременное действие шариатского суда и адатов было возможно только в ряде городов Золотой Орды: новом Сарае, Казани, Астрахани, Азове, Анапе и еще нескольких городках Поволжья, Подонья и Предкавказья, где проживали ученые теологи [Почекаев 2004: 217–232].

В Золотой Орде, как и во многих других странах Европы и Азии, в рассматриваемый период не существовало самостоятельной судебной ветви власти: правосудие осуществляли органы исполнительной власти. Так, Д. Островский отмечает, не ссылаясь на первоисточник, что в Золотой Орде верховный суд находился в подчинении беклари-бека — верховного главнокомандующего при хане, т. е. высшего военного чиновника государства [Островский 2001: 159].

По требованиям норм морали, сложившихся в мусульманском обществе, суд должен объективно рассматривать доводы всех сторон, подвергая анализу все стороны преступления, в том числе и субъективные. В рассмотрении конкретного дела и принятии по нему судебного решения судьи должны исходить из прав и обязанностей правоверного, т. е. мусульманина.

Источником мусульманского права являлись нормы Корана, которые не подвергались изменениям и представляли собой систему, организованную в соответствии не с отраслями права, как это наблюдается в других правовых системах, а с последовательностью всей жизни мусульманина, от рождения и до смерти. По этой причине преступления против религии признаются в исламе наиболее серьезными: несоблюдение

обрядов жизненного цикла карается смертной казнью. Слово *шариат* означает 'надлежащий путь жизни', что подразумевает ненарушение норм права, морали, религии и т. д. на основе тщательно разработанного в IX—XII вв. свода правил фитх и характерных суждений кийас, выработанных по аналогии с Кораном и прецедентами. Изначально к компетенции мусульманского суда относились только семейные и религиозные дела мусульман. На основе положений Корана все деяния делились на разрешенные (халал) и запрещенные (харам).

Гильом де Рубрук приводит следующую характеристику процесса судебного производства: «Они не карают никакого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание» [Рубрук 1957: 100–101]. Данное описание свидетельствует о том, что в период написания данного сочинения шел процесс становления судебной системы и развития института розыска, характерного для этапа централизации власти в государстве.

Как отмечалось выше, государственные чиновники рассматривали только спорные ситуации, связанные с нарушением государственных интересов. Так, Рашид ад-Дин подробно описывает процедуры, связанные с получением доказательств в случае разбирательств по делам, связанным с нарушением «Великой Ясы», а также с нанесением оскорблений государю и т. п., например допрос «до тех пор, пока, в конце концов, в словах тех людей не появилось противоречие» [Рашид ад-Дин 1960: 115]. Все это свидетельствует о том, что именно в этот период происходило становление розыскного процесса как одной из стадий судопроизводства.

Таким образом, анализ различных источников монгольского, персидского и европейского происхождения позволяет сделать вывод о том, что правопреемники Монгольской империи унаследовали также монгольскую правовую и судебную системы. Процесс исторического развития золотоордынского государства в контексте полиэтнического и поликонфессионального общества привел к тому, что одной из основных особенностей судебной системы Золотой Орды стало своеобразное правосознание ее населения, обусловленное синтезом традиций кочевников, норм обычного

права монгольских народов и мусульманского права, связанного с принятием ислама как государственной религии при хане Узбеке. Вышеприведенное положение обусловило сосуществование и одновременное действие судебных органов традиционной монгольской юстиции — суда Зарго (дзарго) — и мусульманского суда кади.

Литература

- Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России / пер. с коммент. Е. Ч. Скрижинской. М.: Наука, 1971. 275 с.
- Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Пер., комм., исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Наука, 1950. 478 с.
- Зиманов С. 3. Казахский суд биев уникальная судебная система. Алматы: Атамура, 2008. 224 с.
- История монголов инока Магакии/пер. К. П. Пат-канова. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1871. 104с.
- Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
- *Насонов А. И.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: 1940. 178 с.
- Носов Д. А., Почекаев Р. Ю. Рукопись Ц. Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» — источник по истории монгольского права // Б. Я. Владимирцов выдающийся монголовед XX в.: сб. ст. Матлы рос.-монг. науч. конф. 6–8 окт. 2014 г. (г. Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор, 2015. С.144–147.
- Островский Д. Монгольские корни российских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 143–171.
- *Почекаев Р. Ю.* Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232.
- Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. IV / пер. с перс. Ю. П. Верховского; под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст., примеч. Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 306 с.
- Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX вв. Астана: Юрид. книга, 2008. 816 с.

References

- Barbaro I. *Puteshestvie v Tanu* [A journey to Tana]. *Barbaro i Kontarini o Rossii / per. s komment. E. Ch. Skrizhinskoy* [Barbaro and Contarini about Russia. Transl. and comment. by E. Skrizhinskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 275 p. (In Russ.).
- Grekov B. D., Yakubovskiy A. Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its decline]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950, 478 p. (In Russ.).
- Zimanov S. Z. *Kazakhskiy sud biev unikal naya sudebnaya sistema* [The Kazakh Court of Beys a unique judicial system]. Almaty, Atamura Publ., 2008, 224 p. (In Russ.).
- Istoriya mongolov inoka Magakii / per. K. P. Patkanova [A history of Mongols by coenobite Malachia]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1871, 104 p. (In Russ.).
- Mirgaleev I. M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [A political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003, 164 p. (In Russ.).
- Nasonov A. I. *Mongoly i Rus' (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [Mongols and Rus (a history of Tatar policies in Rus)]. Moscow, Leningrad, 1940, 178 p. (In Russ.).
- Nosov D. A., Pochekaev R. Yu. Rukopis' Ts. Zh. Zhamtsarano iz fonda IVR RAN «Otryvok o tom, kak vesti tyazhbu» istochnik po istorii mongol'skogo prava [Manuscript 'The fragment on court order... from Ts. Zamtsarano's collection (IOM RAS St. Petersburg) as a source on the Mongolian law history]. B. Ya. Vladimirtsov vydayushchiysya mongoloved KhKh v.: sb. st. Mat-ly ros.-mong. nauch. konf. 6-8 okt. 2014 g. (g. Sankt-Petersburg) [B. Ya. Vladimirtsov - the Outstanding Researcher of Mongolian Studies in the 20th Century. Proc. of the research conference. 6–8 October 2014 (St. Petersburg)]. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2015, 218 p. (In Russ.).
- Ostrovski D. *Mongol'skie korni rossiyskikh* gosudarstvennykh uchrezhdeniy [Mongolian roots of Russian governmental authorities].

Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoy i Moskovskoy Rusi: Antologiya [Russian studies in the U. S.: stages of historiography of recent years. The period of Kievan and Moscow Rus': anthology]. Samara, Samara University Press, 2001, pp. 143–171 (In Russ.).

Pochekaev R. Yu. *Sud i pravosudie v Zolotoy Orde* [The court and justice in the Golden Horde]. *Pravovedenie* [The Legal Studies *journal*], 2004, No. 2, pp. 217–232 (In Russ.).

Pyurbeev G. Ts. Pamyatnik mongol'skogo prava XVIII v. «Khalkha dzhirum». Leksika. Grammatika. Transliteratsiya teksta [Khalkha Dzhirum: a monument of Mongolian law. Lexis, grammar, transliteration of the text]. Moscow, Kaluga, Eydos Publ., 2012, 270 p. (In Russ.).

Rashid ad-Din. Sbornik letopisey. T. IV / per. s pers. Yu. P. Verkhovskogo; pod red. I. P. Petrushevskogo [Collected manuscripts. Vol. IV. Transl. from Persian by Yu. Verkhovsky, edit. by I. Petrushevsky]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1960, 248 p. (In Russ.).

Rubruk G. *Puteshestvie v vostochnye strany / red., vstup. st., primech. N. P. Shastinoy* [A journey to the Oriental countries. Edit., foreword,

comment. by N. Shastrina]. Moscow, State Publ. House of Geographical Literature, 1957, 291 p. (In Russ.).

Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A. A. Romaskevichem i S. L. Volinym [Collected materials on the history of the Golden Horde. Excerpts from Persian compositions collected by V. Tyzenhaus and rev. by A. Romaskevich]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1941, 306 p. (In Russ.).

Fuks S. L. Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX vv. [Sketches on the history of the Kazakh state and law in the 18th — early 19th cc.]. Astana, Legal Book Publ., 2008, 816 p. (In Russ.).

Vosemnadtsat' stepnykh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI-XVII vv. Per., komm., issled. A.D. Nasilova [Eighteen Steppe Laws. Monument of Mongolian law of the XVI-XVII cent. Transl. from Mongolian, comments and research by A.D. Nasilov]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie (St. Petersburg Oriental Studies Society) Press, 2002, 160 p. (In Mong. and Russ.).

УДК 94

Источники о судопроизводстве в Золотой Орде

Олег Саналович Шургучиев 1

¹ магистрант II года обучения, Российский государственный университет правосудия (Ростовна-Дону, Российская Федерация). E-mail: oleg.shurguchiev@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является реконструкция системы судоустройства и процесса судопроизводства в Золотой Орде на основе опубликованных документальных источников, а также монографических исследований. В ходе исследования использовались общенаучные и частноправовые методы познания. С помощью реконструктивного и историко-политического толкования права были освещены источники различного происхождения, содержащие описание судебной системы золотоордынского государства, в контексте социально-исторических и политических условий в хронологической последовательности. Особое внимание в статье уделяется анализу различных источников монгольского, персидского и европейского происхождения, который позволяет сделать вывод о том, что правопреемники Монгольской империи унаследовали также монгольскую правовую и судебную системы. В заключении автор делает вывод о том, что в процессе исторического развития золотоордынского государства в условиях полиэтничного и поликонфессионального общества одной из основных особенностей судебной системы Золотой Орды стало своеобразное правосознание ее населения, обусловленное синтезом традиций кочевников, норм обычного права монгольских народов и мусульманского права, связанного с принятием ислама как государственной религии при хане Узбеке. Вышеприведенное положение обусловило сосуществование и одновременное действие судебных органов традиционной монгольской юстиции — суда Зарго — и мусульманского суда кади.

Ключевые слова: Золотая Орда, судоустройство, судопроизводство, судебная система, обычное право, мусульманское право